

Михаил Арцыбашев

Пропасть

Михаил Арцыбашев

Пропасьть

«Public Domain»

1912

Арцыбашев М. П.

Пропасть / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1912

«В этот период своей жизни, томимый болезненным состоянием и все более возрастающим страхом смерти, Камский весь ушел в мистику. В пустоте и мраке последнего мгновения, которое неслышными, но быстрыми шагами неуклонно приближалось к нему, единственным светом могла быть только мысль о Боге. Вне этой мысли не было ничего, ужас обнимал мир, и оставалось только покорно и тоскливо ждать часа смерти...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Михаил Петрович Арцыбашев

Пропась

I

В этот период своей жизни, томимый болезненным состоянием и все более возрастающим страхом смерти, Камский весь ушел в мистику.

В пустоте и мраке последнего мгновения, которое неслышными, но быстрыми шагами неуклонно приближалось к нему, единственным светом могла быть только мысль о Боге. Вне этой мысли не было ничего, ужас обнимал мир, и оставалось только покорно и тоскливо ждать часа смерти.

Как у всех нервных людей, у Камского ужас не был тупой тяжестью, а выражался острыми припадками, когда он метался из стороны в сторону, плакал по ночам и впадал в болезненно-бессильное отчаяние. Такое мучительное состояние не могло продолжаться бесконечно, и скоро наступил перелом.

Как ни странно, но поворотным пунктом к вере и надежде, свежей волной охватившим его измученный воспаленный мозг, был необыкновенный и даже нелепый сон.

Тот вечер Камский провел в театре и домой приехал в редком для него хорошем настроении. Только нервная дрожь в концах пальцев и легкое возбуждение отмечали тот важный процесс, который совершался в это время. Однако, как только Камский лег в постель и потушил лампу, он сразу почувствовал смутную тревогу. Сердце забилося томительно-нервно, то замедляя, то ускоряя свой ход, точно загнанное животное, в предсмертной тоске мечущееся во все стороны. Мрак комнаты наполнился шепчущим ужасом, по углам задвигались высокие тени, голову охватил тяжелый туман.

Всегда он страдал бессонницей, на этот раз сон охватил его с болезненной быстротой, точно все силы мгновенно его оставили. Еще не исчезло сознание темной комнаты, скорчившегося под одеялом костлявого дрожащего тела, слабого света, призрачно скользящего между оконными занавесями, а уже заколебались туманные видения.

Камскому казалось, что он еще не спит, а между тем вокруг него зашевелились, как бы формируясь из мрака, смутные фигуры семи старцев, с длинными белыми бородами, в длинных белых одеждах, сливающихся в тумане. С тоскою предчувствуя роковое, Камский стал приглядываться к ним, и тревога его возрастала. Старцы не шевелились. Как будто они сошлись к нему со всех сторон и теперь сидели вокруг, как белые вороны, опустив глаза и плетя глубокую думу. Камский видел их довольно ясно, хотя что-то туманное стояло перед глазами. Как ни было нелепо, и как ясно ни сознавал Камский эту нелепость, он сказал себе в сердце своем:

– Это семь греческих мудрецов!

И несколько не удивился своей мысли.

Было напряженное молчание и глубокая неподвижность. Неподвижен, как труп, был Камский; как каменные истуканы сидели семь старцев, не подымая глаз, скрывающих страшную тайну, а в то же время между ними шел огненный и тревожный спор. Как будто колебались невидимые магнетические волны, наполняя все безмолвной и отчаянной борьбой. Спор шел о смерти, и Камский отчетливо воспринимал его беззвучную сущность: великие умы, заключенные в семь неподвижных фигур, склонившихся к земле бледными лицами, перекрещивались, вздымаясь, как весы, то падая, то поднимаясь и наполняя весь мир мучительным движением. Они принимали Камского в свое число и слушали его мысль, и даже, казалось, спорили именно с ним. Затаенная тревога, и великая тишина чутко стояли над землей.

И в великом молчании родился вопрос:

– Да, полное небытие, называемое смертью, будет, но будет ли оно вечно?

И в ту же минуту, как только вопрос неуклонно и строго стал перед ним, фигуры старцев бессильно зашевелились, взмыли, как сухие листья, гонимые осенним ветром, заметались в жалкой и смятенной тревоге. Одна за другой они исчезли в тумане, и только отдаленный тоскливый вой послышался Камскому.

Потом очень неясно, точно сквозь закрытые веки, не столько привиделся, сколько почувствовался вблизи маленький седенький старичок, ликом похожий на старца Серафима. И прежде чем Камский успел спросить, мягкое дуновение кроткого покоя невыразимо-радостно охватило все существо его. И не ушами, а внутренним слухом Камский понял ответ старца. Как будто слова сами зажглись в окутанном безысходным мраком мозгу.

– Будет или не будет, по воле Всевышнего, как переходное состояние!

А затем раздался страшный шум, вспыхнул невиданный свет, названия которому нет на человеческом языке, и Камский проснулся, чувствуя, что умирает и уже не может сделать ни одного движения. И прямо против себя он увидел смерть.

Большой скелет, с громадным черепом и толстыми грубыми костями, неподвижно стоял у стены. Череп был слегка наклонен к Камскому, как бы в ожидании, и он почувствовал, что, как только этот череп шевельнется, наступит смерть.

Смертельный ужас охватил его мозг, и в невыразимой тоске остановилось сердце. Но в то же мгновение Камский понял, что «может» ждать, может напрячь все силы, все существо свое и перейти неведомую грань, отдавая отчет в каждом мгновении. Бессмысленного, исключаящего все человеческое, ужаса, которого он ждал, – нет.

Камский сделал усилие, показавшееся ему невероятным, и слегка шевельнул губами.

Сразу все исчезло. Он проснулся вторично.

В комнате все еще было темно, но за плотными шторами уже скользил синий холодный полусвет утра. Смутно белела дверь и ее отражение в темном паркете; мерещились силуэты кресел и лампы на письменном столе, и все было окаменело, неподвижно, точно пока он спал, все умирало, останавливалось, переставало существовать. Это было знакомое впечатление, и оно убедило Камского, что на этот раз он проснулся окончательно.

Но сердце все еще колотилось больно и тревожно, и в комнате чувствовался притаившийся ужас, готовый выступить из всех углов, придать всем предметам, креслам, лампе, книгам и дверям зловещую жизненность и вновь охватить душу Камского.

До самого утра он не спал и, блестящими глазами глядя на окна, думал, весь охваченный еще смутными, но уже потрясающими мыслями.

И вот этот-то сон со следующего же дня произвел в Камском полную, но на первый взгляд, быть может, даже незаметную перемену.

Он всегда был мистически настроенным человеком, и статьи его в религиозно-философских журналах привлекали внимание всех единомыслящих людей. Но в его мистике не было жизни, и казалось, что блестящая техника и есть вся сущность этих статей и что если отнять их внешнюю отточенность и огненность стиля, останется нечто книжное, сухое и безжизненное, как засохшая смоковница.

О нем сказал один из членов религиозно-философских собраний:

– Это блестящий писатель, но он сам не верит тому, что пишет.

Это было только отчасти верно: Камский был убежден в неотразимой правоте своей мысли и в том, что каждый человек, одаренный высшей способностью воспринимать в жизни дыхание потустороннего, не может не согласиться с ним. Но как в цветке, лишенном семени, так в этой убежденности не было самого главного: не приносила она успокоения его собственной тревоге при мысли о смерти. Вера не дала ему живого плода. Когда он мыслил, все было так в пределах человеческой логики, но когда слепой ужас вставал в нем, его положения, скользя в

мозгу, не приносили ему веры, и сердце его не находило покоя, томясь все той же неизбывной мукой.

Но после этого сна, который, как понимал Камский, был простым отражением его собственных мыслей и переживаний, он вдруг обрел внутренний покой.

Великолепно сознавая, что это только сон, Камский всем существом своим воспринял близость какой-то великой тайны и ее дыхание на своем мозгу. Она прошла над ним во время сна, и край таинственной одежды скользнул по ее глазам, чтобы они открылись.

Напряженная мысль сплела туманные видения сна, и величественно-таинственный узор развернулся перед ним. Ему стало ясно, что смерть, как состояние полного небытия, будет. Эта полоса молчания и пустоты лежит между людьми и вечной жизнью. Но сознание, пройдет или не пройдет сквозь эту зловещую тьму, – по воле Высшей Силы. Единые умы, на земле восприимчивые возможное для человека познание, как светильники, будут светить во тьме, и она не поглотит их. Величавые пророчества великих умов востока стали ясны для Камского. Смерть явится только переходным состоянием, очищающим души от тяжести земного безумия, и воскресение мертвых совершится. В периоде небытия, в пустоте, мраке и молчании времени не будет, и миг жизни, сквозь миг смерти, неразрывно сольется с вечностью.

Роковую грань неизвестности, ужасом отделявшую жизнь от вечности, человек «может» пройти, не теряя, в безумном ужасе, силы своего сознания, и ужас отпадет, как сухой лист, не имеющий силы держаться на живой ветке.

Эта вера была наивна и хрупка, как березка, выросшая на каменной стене, но именно в этой наивности и оторванности от земли была та! чистота, которую Камский видел в вере великих подвижников, и она покорила его, она стихийно вошла в душу, она была давно желанной, охватила его, как волна, и мозг его рабски подчинился ей. Наступил покой, страх отступил, и существование его стало ясным и тихим.

Это было замечено всеми окружающими и истолковано, как болезнь, медленно, но неуклонно гасившая жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.